

Т.П. Буслакова

«Хорошее отношение к лошадям» (1918)

Если февральские события 1917 года для Маяковского знаменовали конец «тысячелетнего “прежде”», то октябрьская революция воспринималась как рождение новой страны. Не случайно одним из эпитетов в «Оде революции» был «детская»:

О, звериная!
О, детская!
О, копеечная!
О, великая!..

В стихотворении «Хорошее отношение к лошадям» мысль, выраженная лирическим героем, и состоит в том, что в «каждом» сохраняется желание почувствовать себя «ребенком», чтобы «стоило жить, //и работать», верить в будущее, надеяться на лучшее.

Лирический герой стихотворения сохраняет черты, известные по раннему творчеству поэта, — одиночество в толпе «зевак» («Смеялся Кузнецкий. //Лишь один я//голос свой не вмешивал в вой ему») и способность видеть внутренний смысл происходящего:

Подошел
и вижу
глаза лошадиные...

Улица опрокинулась,
течет по-своему...

В будничной, детально описанной ситуации (на скользкой московской улице Кузнецкий мост на глазах прохожих «Упала лошадь») лирический герой обнаруживает проявление общей для «всех» («все мы немножко лошади») усталости, вызванной столкновениями с «ними» («чего вы думаете, что вы их плоше?»). «Все» относится к таким, как сам лирический герой, тем, для кого жизнь «течет по-своему», и одновременно к тем, кто, в отличие от «зевак», не мыслит жизни без поиска смысла жизни и работы. В сходном плане ранее возникал образ «саврасой крестьянской клячки», умирающей от побоев, в первом сне Раскольников (роман Достоевского «Преступление и наказание») и «Коняги» (в одноименной сказке Салтыкова-Щедрина). В образе «лошади» у Маяковского видно и традиционное в русской литературе сравнение с трудолюбием и безответностью народа, и аналогия с настроением лирического героя, вливающимся в «какую-то общую звериную тоску».

Стихотворение написано акцентным стихом. Ритмический рисунок первых строк передает звук цоканья копыт бегущей лошади:

Били копыта.
Пели будто:
— Гриб.
Грабь.
Гроб.
Груб...

В звукоподражательном ряду использованы слова, значимые для характеристики времени, в них слышатся не только одновременный удар копыт о мостовую, но лозунги дня («Грабь»), его настроение («Гроб.//Груб»). Ритмическая четкость, передающая бег лошади, резко обрывается, когда «Лошадь на круп//грохнулась». Этот ритмический сбой привлекает внимание к центральному сюжетному эпизоду.

Показателем времени в стихотворении является и парадоксальное по отношению к традиции завершение сюжета:

лошадь рванулась,
встала на ноги,
ржанула и пошла.
Хвостом помахивала.
Рыжий ребенок.
Пришла веселая,
стала в стойло...

Поэт не придает образу сказочную окраску, изображение остается реалистическим. Фантастическое понимание между лирическим героем и необычной героиней («может быть, и мысль ей моя показалась пошла...») предстает проявлением одушевленности всего мира. Ощущение нового начала, вернувшегося детства пронизывает, таким образом, всю жизнь, обращенную к будущему, «встающую» после неудач и страданий.